

УДК 82 (091) (470. 621)

ББК 83.3 (2=Адыг)

П 93

А.К. Пшизова

Проблемы жанровой принадлежности, историзма и классификации новелл Т. Керашева

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматриваются актуальные проблемы современного литературоведения, проблемы жанровой принадлежности и классификации новелл Т. Керашева.

Ключевые слова:

Художественный конфликт, классификация, фольклорная новелла, историзм, жанровая принадлежность, повесть-новелла, романтическая новелла, новелла-притча, событийная коллизия.

Изучение новелл и романа Т.Керашева о прошлом еще в 70-е – 80-е годы обновило и оживило исследовательскую мысль адыгейских литературоведов, направленную на жанровое своеобразие и характер историзма керашевских произведений. В этом аспекте, как пишет У.Панеш, «адыгский исторический роман, безусловно, испытал влияние традиций, заложенных общесоветской исторической прозой» [3: 150], в частности – «глубокое осознание литературой роли народа как подлинного творца истории», «последовательное обогащение художественной мысли содержательным качеством историзма» [2: 102]. Причем стала обретать многожанровые художественные формы тенденция восприятия и истолкования истории не просто в качестве иллюстрации той или иной точки зрения, но как «нечто, имеющее самоценное знание» [4: 147].

Теория исторического жанра в русской и адыгских литературах наиболее интенсивно развивалась в связи с романом. К тому побуждала настоятельная необходимость эпического осмысления истории в эпоху революционных катаклизмов XX века и – естественно – изучения художественных способов их воссоздания. Суждения адыгейских литературоведов о романе и повести, как правило, связываются и с рассказом, ибо на него явно распространяются качественные особенности адыгейской прозы. Так, К.Шаззо резонно замечает: «Многообразные формы освоения писателями действительности в жанрах «малой» прозы способствовали

идейно-художественному обновлению адыгского романа последних лет» [7: 60]. В частности, автор рассматривает повести-новеллы Т.Керашева не только с точки зрения особенностей художественного изображения прошлого, но и своеобразия разработки общественных конфликтов в их основе, как бы подготовившей роман «Одинокий всадник».

Затрагивая проблему историзма произведений Т.Керашева этого периода, К.Шаззо рассуждает следующим образом: «Они все квалифицируются критикой и автором как исторические. Но посвящены они не историческим лицам, хотя в них фигурируют известные в истории адыгов люди, – такие, как Хатхе Мхамат или князь Болотоков. Историческими делает новеллы писателя то, что в них нашла яркое выражение трагическая и многообразная история адыгов, их долгий путь к свободе, и то, что в них художественно убедительно воссоздается атмосфера прошедших эпох...» [7: 73]. Правда, конкретный анализ, к примеру, повести «Дочь шапсугов» позволяет автору несколько уточнить и углубить свою идею об историзме этого произведения, связанного с образом реального героя: «...Так, незримыми путями, «бесцветными» нитями сюжета Т.Керашев связывает своих персонажей с судьбой народного героя» [8: 140] (речь идет об образе Хатхе Мхамата – А.П.).

Диалектично размышляет об историзме повествований 60-х – 80-х годов Т.Керашева Х.Глепщерше, который считает: «...истори-

ческими их тем не менее можно назвать весьма условно, потому что в них нет исторических лиц или описаний подлинных событий. Если и появляются известные в народе исторические личности (как в «Дочери шапсугов» Хатхе Мхамат), то только как эпизодические лица. Их изображение автор редко связывает с конкретными историческими фактами, явлениями. Скорее всего, Т.Керашев «включает» конкретных лиц в исторический поток, из которого свободно выбраны и герои, и события, и сюжетные линии» [6: 73].

Х.Тлепцерже уточняет жанровую окраску повествований «Дочь шапсугов», «Абрек», «Месть табунщика», относя их скорее к повестям об историческом прошлом, нежели к историческим. При такой постановке вопроса мнение Х.Тлепцерже представляется нам достаточно веским. И еще: автор монографии четко сформулировал художественно-историческую мысль Т.Керашева: «История, которая проходит через сознание и судьбу героев – такова концепция Т.Керашева о времени и роли в нем социально активной личности» [6: 73].

Выше мы говорили о разном среди критиков в жанровой квалификации повествований Т.Керашева. Х.Тлепцерже уверенно и доказательно относит «Дочь шапсугов», «Абрек» и «Месть табунщика», как и последующие произведения «Слово девушки», «Старый абадзехский охотник», «Последний выстрел», к повестям-новеллам, не акцентируя особого внимания на исторической ориентации этих произведений. Хотя «Старый абадзехский охотник» из этого ряда резко выделяется. К слову сказать, нам это произведение представляется недооцененным литературоведами. Но об этом ниже.

М.Алиева посвятила исторической прозе Т.Керашева (повестям и роману «Одинокий всадник») кандидатскую диссертацию (Майкоп, 1993 г.), в которой наш интерес вызвало исследование характера социального конфликта, роднящего «Дочь шапсугов», «Абрек» и «Месть табунщика», и тенденции писателя воссоздавать через персонажи противоречивую суть действительности. В этом углубленном взгляде писателя на проблему соотносительности судьбы человеческой и судьбы народной, органическую связь жизни личности и жизни общества автор диссертационного исследования видит знамение времени – 60-х – 70-х годов XX

века, что особенно ярко отличает историческую прозу Т.Керашева.

В диссертации М.Алиевой, можно сказать, впервые обращено пристальное внимание на новеллы «Старый абадзехский охотник» и «Молодой бысым». К сожалению, в анализ исторических новелл Т.Керашева автор не вносит принципиальной новизны, добросовестно следуя за идеями литературоведов старшего поколения.

Затронуты проблемы историзма прозы Т.Керашева и в ряде защищенных за последнее десятилетие кандидатских диссертаций Н.Дахужевой, А.Дзыба, Н.Приймаковой и других.

Нас интересуют мнения авторов академического издания «История адыгейской литературы» (Т. I-II) К.Шаззо, У.Панеша, А.Тхакушинова, Е.Шибинской, Р.Мамия, чьи статьи в этом издании содержат теоретические обобщения по проблемам историзма адыгейской прозы, типологии конфликтов, своеобразия жанров, причем не последнюю роль в этих обобщениях играет новое обращение к прозе Т.Керашева. Так, У.Панеш и А.Тхакушинов в характеристике адыгских литератур 60-х – 80-х годов выделяют 60-е годы как начало нового этапа их развития. Авторы придают особое значение в деле обретения литературами нового качества развитию исторической прозы, начиная с «малых» жанров. «Жанровые и структурно-стилевые искания исторической прозы оказались здесь связанными, прежде всего, с развитием новеллы и короткой повести. Это ярко проявляется в творчестве Т.Керашева» [1: 13].

Авторы статьи констатируют следующие моменты: произведения Т.Керашева этих лет «оказались разными в плане жанровой модификации и насыщенности их исторически достоверным материалом», «общим для всех... произведений стало обострение нравственного чувства, связанного с народной мудростью и обращенного к современности», «разнообразие художественных форм» [1: 13].

Опираясь на мнение адыгейских литературоведов и собственные исследования, автор статьи «Традиции Т.Керашева и современный адыгейский роман» Е.Шибинская намечает своеобразную хронологию обращения адыгейской прозы к истории, этапы жанровых вопло-

щений темы прошлого, и дает своего рода классификацию жанровым разновидностям исторического романа: «условно исторический» и собственно исторический.

Им присущи такие структурные типы:

1. В центре повествования может стоять историческая личность, ведущая сюжет или находящаяся на периферии сюжета.

2. Центром повествования может быть историческое событие, несущее основное содержание романа или иллюстрирующее историческую тенденцию, идею, причем историческая личность или событие, будучи документально подтвержденными, выводят повествование к жанру собственно исторического романа, представленные же в тяготении к фольклорно-эпическим решениям, дают основание говорить об «условно историческом» жанре повествования. Сюжетообразующую функцию в романе может выполнять вымышленный персонаж, близкий реальному, или персонаж-обобщение определенного типа личности» [9: 104].

Эта классификация, на наш взгляд, может лечь в основу типологии новеллистики Т.Керашева.

Мы предлагаем следующее видовое деление «новелльных» произведений Т.Керашева.

I-е основание – особенности взаимодействия с фольклором

1-я разновидность – прямая литературная интерпретация фольклорной новеллы:

- «Месть табуника»
- «Слово девушки»
- «Последний выстрел»
- «Испытание мужества»

2-я разновидность – произведения повествовательного жанра

а) по мотивам фольклорной новеллы:

- «Дочь шапсугов»
- «Абдзехский охотник»

б) с включением фольклорных новелл, притчей и этюдов в современную жанровую структуру:

- «Абрек»

в) связанные с устной новеллой структурой, традицией повествования:

- «Слово девушки»
- «Урок жизни»
- «Молодой бысым»

II-е основание – особенности отношения к истории и современности

1-я разновидность – с признаками историзма в самих фактах

а) присутствие исторических лиц;
б) описание (упоминание) исторических событий и т.д.:

- «Дочь шапсугов»
- «Абрек»

2-я разновидность – с косвенным историзмом (присутствие истории в быте, образе мысли, нравах, обычаях, этикете людей):

- «Абдзехский охотник»
- «Испытание мужества»
- «Месть табуника»
- «Последний выстрел»

3-я разновидность – новеллы с общенравственной идеей о жизни адыгов вообще, их этикете, обустройстве и т.п.:

- «Урок жизни»
- «Молодой бысым»
- «Слово девушки»

III-е основание – по жанровой принадлежности

1. Повесть-новелла:

- «Дочь шапсугов»
- «Абрек»

2. Романтическая новелла:

- «Слово девушки»
- «Абдзехский охотник»

3. Новелла, тяготеющая к реалистической достоверности:

- «Месть табуника»

4. Социально-психологическая новелла:

- «Молодой бысым»
- «Последний выстрел»

5. Новелла-притча:

- «Урок жизни»
- «Испытание мужества»
- «Сказание»

IV-е основание –

а) по типу конфликтной основы [5: 21-22]

1. Социально-политической:

- «Абрек»

2. Социально-нравственной:

- «Дочь шапсугов»
- «Месть табуника»
- «Абдзехский охотник»

3. Бытовой:

- «Молодой бысым»
- «Урок жизни»

4. Этической:

- «Слово девушки»
- «Испытание мужества»
- «Последний выстрел»

Большинство новелл построено по второму и четвертому видам художественного конфликта

б) по способу проявления художественного конфликта

1. В событийной коллизии:

«Слово девушки»

2. В сюжетном развитии:

«Абрек»

«Абадзехский охотник»

3. В композиционном контрасте:

«Месть табуница»

4. В противостоянии характера и обстоятельств:

«Дочь шапсугов»

5. В противостоянии характеров:

«Дочь шапсугов»

6. В смысловой оппозиции (публицистический – философский):

«Последний выстрел»

в) по характеру взаимодействующих сил, составляющих собственно эстетическую специфику конфликта

1. Конфликт высокого и высокого (сил, страстей, характеров, идей, порождающий трагический пафос):

«Последний выстрел»

2. Конфликт низкого и низкого, порождающий сатирический (комический) пафос:

«Молодой бысым»

«Урок жизни»

3. Конфликт высокого и низкого, порождающий героический пафос:

«Дочь шапсугов»

«Абрек»

«Абадзехский охотник»

4. Конфликт, эстетически слабо разработанный, порождающий идиллический пафос.

г) по путям разрешения конфликта

1. Примирение или обоюдное крушение противоборствующих сил, заставляющее читателя возвыситься над их односторонностью (катарсическая развязка):

«Дочь шапсугов»

2. Победа одной из сил, заставляющая уверовать в ее правоту и жизнеспособность (тенденциозная или «ангажирующая» развязка):

«Месть табуница»

«Абадзехский охотник»

3. Невозможность примирения или победы, выносящая конфликт за пределы произведения в жизнь и ставящая вопрос о возможном исходе перед самим читателем («проблемная» развязка):

«Абрек»

«Последний выстрел».

Комментарии к классификации «новелльных» произведений Т.Керашева.

1. Одно и то же произведение может быть рассматриваемо с точки зрения присутствия в нем нескольких оснований, по меньшей мере – трех, охарактеризованных в данной работе.

2. В случае преобладания одного – двух оснований они подробно аргументируются.

3. Проблема художественного конфликта не исчерпывается представленной классификацией, так как есть еще другие основания, скажем, по особенностям их «присутствия» в произведении: внешний и внутренний конфликт, ослабленный конфликт, псевдоконфликт и т.п.

4. Свойственные литературе каждой эпохи свои типы художественных конфликтов, присущие тому или иному направлению в искусстве, взаимодействию жизни и литературы, соотношению идеала и действительности и так далее, имеют безусловное значение для индивидуального творчества, влияя на конкретного автора и его произведение.

5. Причем большую роль в этом процессе играют национальные, фольклорные и литературные традиции, психология творца и ведущие тенденции его художественной эволюции.

Примечания:

1. История адыгейской литературы. – Майкоп, 2002. – Т. II. – С. 13.
2. Оскоцкий В. Роман и история. – М., 1980. – С. 102.
3. Панеш У.М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. – Майкоп, 1990. – С. 150.
4. Серебрянский М. Советский исторический роман. – М., 1936. – С. 147.
5. СМ.: ЛЭС. – С. 166; О.В.Ефремова. Русский рассказ о войне (1945-1955 гг.). Проблемы типологии. – Майкоп, 2003. – С. 21-22.
6. Х.Тлепцерже. На пути к зрелости. – Краснодар, 1991. – С. 73.

7. Шаззо К. Современная адыгейская новелла // Сб. статей по адыгейской литературе. – Майкоп, 1975. – С. 60.
8. Шаззо К. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. – Тбилиси, 1978. – С. 140.
9. Шибинская Е. Традиции Т.Керашева и современный адыгейский роман // История адыгейской литературы в 3-х томах. – Майкоп: АРИГИ, 2002. – Т. II. – С. 104.